

в ближайшее время, следовало бы осуществить, наконец, план «Византийской хрестоматии» (*Chrestomathia Byzantina*), предложенный еще П. Гунфальви в 1859 г., и критически издать сборник отрывков из византийских источников, относящихся к венгерской истории (соответствующие сборники были изданы в последние годы в Болгарии и Югославии). Разумеется, исчерпывающее исследование проблемы венгерско-византийских отношений возможно лишь при сотрудничестве историков и языковедов. Кроме византийских источников, требуется и обстоятельное знание памятников венгерской истории. Важны в этой связи и топонимические исследования по названиям местностей, церквей и т. д. Большим вкладом в изучение этого вопроса явится труд Г. Дьерффи «Историческая география Венгрии в эпоху Арпадов» — выход в свет этого труда ожидается в скором времени.

Помимо исследования письменных источников, перед нами стоит задача изучения археологического материала. Археологической комиссией Венгерской Академии наук давно уже запланированы раскопки византийских церквей, находящихся на территории Венгрии¹⁴⁹; к сожалению, план этот до сих пор не реализован.

Успешному решению стоящих перед нами задач весьма содействовало бы осуществление давнишнего желания венгерских византистов — создание в Будапештском университете специальной кафедры по византиноведению. Дело в том, что в настоящее время наша наука представлена лишь Институтом греческой филологии при Будапештском университете; основной же тематикой этого института является не византиноведение, а классическая филология¹⁵⁰.

Р. Бенедикти

О РАБОТЕ СЕМИНАРА ПО ПРОБЛЕМАМ БОЛГАРСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В XIII—XIV вв.

25 февраля 1960 г. в Институте истории Болгарской Академии наук открылся семинар по вопросам феодальных отношений в Болгарии в XIII—XIV вв., который закончил свою работу 26 мая. Основной вводный доклад в начале семинарских занятий сделал профессор Д. Ангелов. Он остановился на ряде проблем — концентрация земельной собственности, категории зависимого населения, феодальная рента, элементы разложения феодальных отношений и др.

В прениях по докладу выступили почти все болгарские специалисты. Они отметили серьезный вклад в изучение истории Болгарии, который внес Д. Ангелов, рассмотревший важнейшие явления социально-экономической жизни страны в их взаимосвязи и взаимозависимости (С. Лишев). Было подчеркнуто также, что доклад в целом отражает состояние современной болгарской медиевистики (Б. Примов).

Справедливо указав на то, что в истории болгарского феодализма еще немало спорных вопросов, разрешение которых может быть достигнуто лишь в результате длительного и глубокого их изучения многими специа-

¹⁴⁹ См. F. Fülöp, in: AA, I, 1951, p. 8—9, 13—14.

¹⁵⁰ Пользуюсь случаем принести благодарность профессору Д. Моравичку за помощь, оказанную при составлении настоящего обзора.

листами, участники семинара сделали ряд критических замечаний и поделились своими сомнениями и соображениями по ряду вопросов, как нашедших, так и не нашедших отражения во вводном докладе проф. Ангелова.

Одним из наиболее спорных вопросов на семинаре был вопрос о характере источников, используемых для изучения внутренней истории Болгарии XIII—XIV вв. Докладчик основывался преимущественно на материалах, относящихся к Македонии и содержащих главным образом данные о монастырском землевладении, причем большинство использованных Д. Ангеловым документов имеет сербское или византийское происхождение.

Некоторые из выступавших (А. Бурмов, Н. Тодоров, В. Мутафчиева, Б. Примов) сочли неправомерным широкое использование для характеристики болгарского феодализма сербских материалов и распространение выводов, сделанных на основе локальных источников, на всю Болгарию. Было отмечено, однако, что византийские источники заслуживают серьезного внимания, ибо Македония в течение долгого времени находилась под властью Византии (А. Бурмов). В связи с этим было высказано соображение о необходимости тщательного выяснения соотношения как болгарской и византийской (Ив. Дуйчев), так и сербской и болгарской феодальной терминологии (А. Бурмов). Было указано также на необходимость взаимной проверки письменных и археологических материалов (А. Бурмов).

Вместе с тем при обсуждении этого вопроса было высказано мнение, что подход к сербским материалам должен быть дифференцированным, а степень их использования должна определяться особо в каждом конкретном случае (Н. Ников). Подчеркивая общие черты в развитии болгарского, сербского и византийского феодализма, сторонники этой точки зрения считают в принципе допустимым использовать сербские документы, однако при условии внимательного и осторожного отношения к сообщаемым ими фактам (Х. Христов). Такое же мнение отстаивал и выступивший в конце работы семинара Д. Ангелов, указавший на то, что в большинстве привлеченных им сербских грамот, относящихся к Македонии, подтверждаются привилегии, дарованные монастырям болгарскими царями. Г. Тодоров обратил внимание специалистов на румынские средневековые документы, которые, по его мнению, могут дать некоторые дополнительные сведения о положении в Северной Болгарии.

Большое место в работе семинара занял вопрос о характере государственной собственности на землю. Было высказано мнение, что государство являлось верховным собственником всей земли, что, в частности, выражалось в передаче государством владений одного монастыря другому (Н. Тодоров); монастыри поэтому следует считать не собственниками подвластной им земли, а лишь ее держателями, чем и объяснялась защита монастырских владений со стороны центральной власти и предоставление монастырям временного иммунитета — явления, существенно отличающие монастырское землевладение от светского (Л. Йончев).

В связи с этим был поставлен вопрос о расчлениении собственности, имеющий непосредственное отношение к факту возникновения на Востоке государств раньше, чем оформлялись феодальные производственные отношения (Н. Тодоров, Б. Цветкова). Необходимо поэтому определить место и мелкой крестьянской собственности в системе феодализма, тем более, что борьба сельской общины с государством и феодальными собственниками составляет основу развития феодального способа производства (Н. Тодоров). В частности, нужно решить вопрос о том, были ли

феодално-зависимыми (крепостными) крестьяне, передаваемые феодалу государством, или они становились таковыми лишь после этой передачи (Б. Примов); неясно также, действительно ли, как принято думать, парики были наиболее многочисленной частью феодално-зависимого населения (А. Бурмов).

Непосредственно к этой проблеме примыкает и вопрос о характере государственных налогов в рассматриваемый период. По мнению Г. Цанковой-Петковой, их необходимо достаточно четко отличать от частновладельческой феодалной ренты.

Вопросы, связанные с государственной собственностью на землю, по мнению В. Мутафчиевой, являются очень сложными и требуют пристального изучения. Их решение помогло бы уяснить специфику болгарского феодализма, вскрыть его преемственные связи с феодализмом османским и византийским (В. Мутафчиева, Б. Цветкова), а также уточнить периодизацию болгарской средневековой истории и определить тенденцию развития болгарского феодализма в XIV в. (В. Мутафчиева).

Касаясь этой проблемы в своем заключительном выступлении, Д. Ангелов согласился с тем, что ее нельзя считать решенной. Он, однако, полагает, что монастыри были полными феодалными собственниками своих земель, а не просто ее держателями, хотя и бывали случаи, когда государство отнимало монастырские земли. Что же касается независимых от крупных феодалов крестьян, то их, по его мнению, нужно отличать от частновладельческих точно так же, как государственный налог от феодалной ренты. В этом отношении докладчик поддерживает взгляды, развиваемые М. Я. Сюзюмовым.

На семинаре обсуждался также затронутый докладчиком вопрос о пронии. Одни считают, что Д. Ангелов неправ, относя начало развития пронии в Болгарии лишь к XIII, а не к XI в. (Г. Цанкова-Петкова); по мнению других, выводы автора о пронии даже в XIII—XIV вв. основаны исключительно на сербских свидетельствах и не подкреплены болгарскими материалами (А. Бурмов). Большинство выступавших признало, что возникновение, развитие и содержание пронии является одним из невыясненных вопросов болгарского феодализма XI—XIV вв. (Ив. Дуйчев, Н. Тодоров и др.). Д. Ангелов, отвечая на высказанные возражения, повторил свои доводы в пользу существования в Болгарии пронии на протяжении всего рассматриваемого периода (XIII—XIV вв.).

К кругу проблем, связанных с пронией, примыкали также обсуждавшиеся участниками семинара вопросы о светском землевладении. Несмотря на недостаток источников для разработки этой темы, подчеркивали выступавшие, ограничение рамки монастырского землевладения не может привести к сколько-нибудь полному представлению о развитии феодалных отношений в Болгарии (А. Бурмов, Л. Йончев). Были затронуты также вопросы о прослойках внутри господствующего класса (в частности о великих и малых боярах) и об особенностях в их положении (В. Тышкова-Заимова); о концентрации феодалной собственности (Б. Примов); о роли государства и надстроечных явлениях в развитии феодализма (В. Мутафчиева); об иммунитете феодалных владений, имевшем в Болгарии некоторые существенные особенности (например, в отличие от Сербии, болгарские монастыри располагали нередко полным иммунитетом) (Д. Ангелов, А. Бурмов).

Оживленный обмен мнениями вызвали выводы докладчика о роли общины в борьбе с феодалами. Было признано, однако, что судьбы болгарской общины в эпоху феодализма остаются еще во многом невыясненными (Ив. Дуйчев, Б. Примов, Н. Тодоров, А. Бурмов), как и вопрос о соот-

ношении села и поместья, домена и крестьянских держаний (Б. Примов). Нет полной ясности и в определении места рабства в системе феодальных производственных отношений (Ив. Дуйчев).

Интересным было обсуждение на семинаре и такого мало отраженного в докладе вопроса, как развитие производительных сил, рост городов в Болгарии XIII—XIV вв. и усиление роли товарно-денежных отношений (Г. Тодоров, В. Паскалева, С. Георгиева). Выступавшие подчеркнули важность широкого и систематического привлечения археологического материала, в частности новых находок и открытий, относящихся к Преславу, Патлейне, Несебру, и результатов последних изысканий академика Миятева на Трапезице и Царевце в Тырнове и в средневековых ювелирных мастерских возле Враца (С. Георгиева).

Обсуждение этой проблемы привело к рассмотрению вызвавшего особенно горячие споры вопроса об уровне развития болгарского феодализма накануне турецкого завоевания (конец XIV в.). По мнению Д. Ангелова, в XIV в. феодализм в Болгарии достиг полной зрелости и вместе с тем вступил в полосу упадка, характеризовавшегося появлением известных элементов разложения, вызреванием ростков новых производственных отношений в недрах старого, феодального способа производства.

Этот тезис докладчика вызвал возражения. По мнению В. Божинова, Д. Ангелову не удалось показать, в чем заключались элементы разложения феодализма в это время. В. Паскалева усматривает противоречие в утверждении, что усиление товарно-денежных отношений, с одной стороны, способствовало возрастанию элементов новых производственных отношений и появлению нефеодальных форм эксплуатации (например ратайства — свободного наемного труда), а с другой стороны, вело к увеличению роли денежной ренты и, таким образом, к росту феодальных форм эксплуатации.

Не является, с точки зрения В. Мутафчиевой, признаком разложения феодализма и имущественная дифференциация среди крестьянства, ибо это явление наблюдалось в самые разные эпохи (например у славян еще в VII в.) и само по себе не может быть оценено вне связи с основными общественно-экономическими процессами каждого данного периода; вывод о том, что XIV в. является временем расцвета, полной зрелости и начала разложения феодальных отношений, остается, на ее взгляд, недоказанным.

Против вывода докладчика выступил и С. Лишев. Источники, по его мнению, свидетельствуют о том, что общей тенденцией развития в XIV в. было наделение безземельных крестьян участками земли, а не их экспроприация и отделение от средств производства. Что касается наличия в Болгарии этого времени наемных работников (в частности пастухов), то они были в Болгарии на протяжении всего средневековья; их следует, однако, считать не наемными рабочими нового времени, а временно нанимавшимися работниками, которые неизбежно попадали в феодальную зависимость от нанимателя. К тому же встречающийся в источниках термин «работники» означает иногда просто чиновников государства, бояр и царских людей, занимавшихся сбором государственных налогов (как это, например, следует из грамоты Рильского монастыря: «ѿ вьсѣх бо-лѣрь и ра́ботникъ прѣтва ми»).

С этим толкованием термина согласились Х. Христов и Ив. Дуйчев, сославшийся на болгарские грамоты, в которых указанный термин употребляется в значении «сборщик налогов».

С. Лишев отметил также, что ссылки на положение К. Маркса («Капитал», т. III, стр. 814) о капиталистических арендаторах, по его мнению, неправомерны. К. Маркс имел в виду эпоху, когда между крупным

землевладельцем и непосредственным производителем появилось третье лицо — арендатор, который не работал сам, а эксплуатировал труд свободных наемных рабочих. Об аренде такого рода в Болгарии XIV в. нет решительно никаких сведений.

Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных участниками семинара по поводу вводного доклада, они отметили значительные заслуги Д. Ангелова, который первым поставил широкие проблемы развития болгарского феодализма и способствовал развертыванию плодотворной дискуссии.

Семинар, несомненно, сыграл положительную роль для своевременной постановки и выявления малоизученных и спорных вопросов. Работа семинара протекала в обстановке дружеской критики и обмена знаниями, она характеризовалась высокой активностью специалистов и содействовала как уяснению некоторых дискуссионных вопросов, так и определению путей углубленного изучения проблем, еще не нашедших своего разрешения.

С. Лишев
